

Вскоре после этого они вывели юношу из павильона Чунь Цзян. Е Шу дал ему немного серебра и освободил его.

"Как такое может быть", - решительно отказался юноша. "Энгонг спас меня. Я не могу больше брать серебро Энгонга".

"Ты собираешься вернуться домой?" спросил Е Шу.

"Я... я не собираюсь", - покачал головой юноша. "В детстве я жил с отцом, но он накопил игорные долги и без раздумий продал меня в бордель. Я не хочу возвращаться. Я думаю найти жилье в столице и найти какой-нибудь способ заработать на жизнь".

Глаза молодого человека были ясными и прозрачно светлыми. "Может ли Энгонг сказать мне свое имя? Если со временем я заработаю достаточно денег, то обязательно отплачу Энгонгу".

Но ни Е Шу, ни Цзинь Вану было неудобно раскрывать свои имена.

"Мы тоже живем в столице", - сказал Е Шу. "Мы обязательно встретимся в будущем, если ты тоже здесь живешь".

Е Шу настаивал на том, чтобы не раскрывать своего имени. Молодой человек не мог продолжать расспросы и только кивнул. "Я с нетерпением жду новой встречи с тобой. Надеюсь, к тому времени у меня уже будет достаточно серебра, чтобы отплатить Энгонгу".

Е Шу с улыбкой кивнул.

Юноша посмотрел на стоявшего неподалеку Цзинь Вана.

Тот был одет в черное и стоял под деревом, его подтянутая и стройная фигура отличалась необыкновенной силой.

"Это... твой муж?" мягко спросил молодой человек. "Он такой красивый".

Е Шу подсознательно хотел отрицать это, но молодой человек поспешно добавил: "Не пойми меня неправильно. Я не имею в виду ничего другого. Я просто... просто завидую тебе. Он, должно быть, очень добр к тебе".

"Не....." Е Шу сделал паузу и мягко добавил: "Он действительно очень добр ко мне".

Честно говоря, Цзинь Ван действительно относился к нему очень и очень хорошо. Как правитель, человек, естественно, должен быть чувствительным и недоверчивым, и это не

говоря уже о том опыте, через который Цзинь Ван прошел в раннем детстве. Под таким влиянием ему было совсем нелегко так с ним обращаться.

Е Шу решил, что будет относиться к нему лучше, когда они вернутся, если собачий император тоже перестанет вести себя как осел.

Молодой человек улыбнулся. "Я желаю вам и вашему мужу счастья навеки".

Перед павильоном Чун Цзян они расстались, и Е Шу вернулся к Цзинь Вану.

"Почему ты так долго? О чем вы говорили?" спросил Цзинь Ван.

"О вас, да", - Е Шу подняла голову и мягко улыбнулась ему. "Он сказал, что вы такой красивый. Ваше Величество потратили много серебра, чтобы выкупить свободу этого человека. Вы действительно хотите отпустить его, не взяв в гарем?"

Цзинь Ван протянул руку и заключил его в объятия. "У Гу уже есть два красавца в гареме, зачем Гу нужен еще один?"

"Но также..." Цзинь Ван опустил голову, заглянул ему в глаза и добавил низким голосом: "Он не так хорош, как ты. Гу просто не замечает его".

"Ты единственный в глазах Гу".

Сердце Е Шу слегка дрогнуло.

Цзинь Ван редко говорил ему такие слова, а когда говорил, то всегда с поддразнивающим оттенком, поэтому Е Шу не принимал их близко к сердцу.

Но в этот раз все было иначе. В его глазах была глубокая искренность, он не уговаривал и не дразнил его.

Е Шу подавил незнакомую пульсацию в сердце, наклонил голову и улыбнулся. "Медовые слова Вашего Величества действительно становятся все слаще и слаще".

В глазах Цзинь Вана появилась улыбка, и как только он собрался заговорить, Е Шу слабо добавил: "Мне жаль благородного супруга. Он не только не смог выйти поиграть с Вашим Величеством, но и не смог услышать такие медовые слова. Если я единственный в глазах Вашего Величества, то куда тогда девать второго?".

"...Вы видите только улыбку вашей новой невесты, а брошенная плачет неслышно..."

Выражение лица Цзинь Вана застыло.

Неужели этот человек любит играть с самим собой в дворцовые интриги?

"Гу, конечно, тоже держит в сердце благородную супругу, не надо..." Цзинь Ван инстинктивно объяснил сам себе, но когда он увидел придушенный смех Е Шу и его трясущиеся плечи, только тогда он понял, что его подставили.

Цзинь Ван стиснул зубы. "Им! Пе! Ра! Тор!"

"Хахахахаха, я был неправ, я был неправ. Ваше Величество, пощадите мою жизнь!"

-

Время шло, и небо постепенно темнело. Е Шу и Цзинь Ван возвращались в карете.

Е Шу вспомнил о своих сомнениях, возникших ранее в павильоне Чунь Цзян.

"Куньцзюнь?" Глаза Цзинь Вана слегка сузились, он нахмурился. "Ты не знаешь, что значит Кунцзюнь?"

Е Шу был неуверен. "Должен ли... Должен ли я?"

"....."

Е Шу четко помнил, что в книге не было такого параметра, и он не упоминался в оставшихся воспоминаниях владельца.

Однако сюжет этого мира уже сильно отличался от того, что было в книге. Е Шу не удивился бы, независимо от того, какой сюжет появился.

Цзинь Ван молчал. Изначально он думал, что Е Шу не знал о своей собственной дифференциации из-за своей туманной и медлительной натуры. Но теперь казалось, что он даже не знает разницы между Цянью и Кунью, знания, столь же элементарного, как разница между мужчинами и женщинами. Неужели в этом мире есть хоть кто-то, кто этого не знает?

Интуиция подсказывала Цзинь Вану, что здесь есть что-то странное, но он не мог определить, что именно.

После минутного молчания он ответил: "Кунцзюнь - это просто имя, которое дали этому мальчику в борделе".

"Бордель всегда делился на Цянь и Кунь", - Цзинь Ван начал нести чушь, - "Цяньцзюнь обладают утонченным артистизмом и не продают себя, а Куньцзюнь имеют сияющую и красивую внешность и обслуживают людей посредством сексуальных услуг... Что касается дифференциации... Считай, что это висящая табличка, да".

Е Шу почувствовал недоумение. "И это все?"

Цзинь Ван твердо сказал: "Это все".

"Хорошо..." Е Шу не стал сомневаться и добавил: "Давайте продолжим нашу дискуссию, начатую минуту назад. Ваше Величество уже думали о том, какой титул мне присвоить?"

Цзинь Ван, "....."

Е Шу сказал это, чтобы поддразнить Цзинь Вана. Кто бы мог подумать, что на следующий день после их возвращения во дворец, Цзинь Ван действительно издаст указ.

Красавцу, представленному чиновником Двора императорских жертвоприношений, был присвоен титул Наложницы Ань, рангом чуть ниже, чем благородная супруга. Как и в случае с благородной супругой, слуги должны были обращаться к наложнице как к своему молодому господину.

Как двум наложницам царствующего правителя, одной был пожалован дворец Юншоу, а другой - дворец Чэнцян, которые находились слева и справа от зала Янсинь. Таким образом, было ясно, что Его Величество благоволит двум наложницам.

Однако о свадебной церемонии, которая ранее была отложена, больше не вспоминали.

С тех пор никто при дворе не высказывал возражений по поводу первой наложницы. Раз уж Его Величество взял Кунцзюня, то рождение принца было лишь вопросом времени, поэтому не стоило проявлять излишнее нетерпение.

Что касается Е Шу, то он не пошел ни в один из двух дворцов. Он продолжал возвращаться в свою маленькую черную комнату в зале Янсинь.

"Так не пойдет", - Е Шу встал у кровати и серьезно сказал Цзинь Вану. "Вы не можете больше запираить меня здесь".

Слуга как раз одевал Цзинь Вана, который поднял глаза на его слова и спросил "Почему?".

Е Шу сердито ответил: "Я стал пухлым за эти дни!".

У Е Шу было стройное тело, но когда он переоделся сегодня, то обнаружил, что его талия и живот стали более округлыми, чем раньше.

Подумав об этом, он решил, что во всем виноват Цзинь Ван.

Глаза Цзинь Вана загорелись, как только он услышал заявление другого. "Пойдем. Гу посмотрит".

Е Шу, пыхтя и отдуваясь, подошел к нему. Цзинь Ван обнял его и усадил.

Он осторожно положил руку на живот Е Шу. Внешне его плоский живот еще не подавал признаков беременности, но при прикосновении к нему он казался немного более округлым, чем раньше.

Цзинь Ван собрал улыбку в своих глазах и намеренно сказал: "Что значит "пухлый"? Гу не видит разницы".

Е Шу запыхался и сказал: "В любом случае, вы не можете больше держать меня здесь взаперти. Я хочу выйти".

Цзинь Ван: "Нет".

Е Шу, "...хмп".

Цзинь Ван щелкнул его по лбу. "Кто просил тебя быть таким непослушным раньше. Если бы тебя выпустили после нескольких дней заключения, Гу все еще сохранил бы достоинство?"

проворчал Цзинь Ван.

Е Шу был слишком зол, чтобы обращать на него внимание.

Когда подошло время утреннего суда, Цзинь Ван ушел со своими людьми, а Е Шу остался в опочивальне один. Ему стало скучно, и он принялся возиться со своими маскировочными принадлежностями.

В эти дни Цзинь Ван каждый день после суда брал его с собой на прогулку. Теперь он пристрастился играть две роли, каждый день меняя свою личину. Это можно было бы назвать эвфемистически: Его Величество равномерно распределял свою милость.

Мало того, он даже пытался разработать еще одну маску для кожи, пытаясь уговорить Цзинь Вана добавить ее в гарем.

Однако при первой же попытке Цзинь Ван разгневался, увидев незнакомого мужчину на своем драконьем ложе, разгневался до такой степени, что чуть не вытащил его на порку до смерти.

.....Стол обернулся против него катастрофически.

Е Шу как раз закончил переодеваться, когда вошел слуга и доложил: "Молодой господин, императорский лекарь Фэн пришел на плановую консультацию".

"Пусть подождет снаружи". ответил Е Шу и уже собирался снять маскировку с лица, когда его движение остановилось.

Императорский врач Фэн приходил каждые несколько дней, чтобы пощупать пульс Е Шу, и каждый раз приходил к выводу, что тот здоров и не имеет никаких отклонений. Но его усталость и сонливость, вздутие живота, периодическая тошнота и рвота, а также другие симптомы так и не были полностью устранены.

Этот врач не был в сговоре с Цзинь Ваном, чтобы что-то от него скрыть, верно?

Подумав об этом, Е Шу повернулся обратно к кровати и оставил свою маскировку. "Пусть войдет".

Когда врач Фэн вошел, он увидел не министра Е, а молодого джентльмена.

Молодой человек лежал на кровати дракона и слабо смотрел на него через открытый марлевый полог, похоже, ему было немного нездоровится.

Врач Фэн, конечно же, узнал в нем наложницу Ань и немедленно отдал честь. "Молодой господин".

Е Шу смягчил голос и сказал: "Врач, можете обойтись без реверансов".

Врач Фэн поднялся. "Молодой господин, этот субъект пришел осмотреть благородную супругу. Я не знаю, если он..."

"Благородного супруга сегодня здесь нет. Лекарь может прийти позже", - Е Шу двигался слабыми и мягкими движениями. "Так получилось, что я сегодня плохо себя чувствую. Не мог бы лекарь сделать то же самое для меня?"

Затем из-под марлевого полога протянулась рука.

<http://bllate.org/book/14246/1258611>